Священникъ Павелъ Флоренскій.

ПАМЯТИ

ѲЕОДОРА ДМИТРІЕВИЧА

САМАРИНА

(† 23 октября 1916 года).

Съ приложеніемъ нѣсколькихъ писемъ Ѳ. Д. Самарина.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.
1917.

„Пров 3

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
ЭТТ6
94

Памяти Ѳеодора Дмитріевича Самарина.

Тихія дружескія бесѣды почившій Ѳеодоръ Дмитріевичъ предпочиталъ болѣе торжественнымъ, а потому и менѣе задушевнымъ, общественнымъ обсужденіямъ. Поминая его, мы не должны уклоняться отъ тона бесѣды, хотя насъ и больше, чѣмъ сколько бываетъ въ дружескомъ кружкѣ. Набросать нѣсколько впечатлѣній отъ Ѳеодора Дмитріевича — вотъ и все, на что въ нашемъ собраніи рѣшаюсь я. Да къ тому же, о человѣкѣ, только сегодня переставшемъ быть „новопреставленнымъ“, ни умъ, ни языкъ не повернулся бы думать и говорить систематически,—какъ о далекомъ и нуждающемся въ научномъ возстановленіи своего духовнаго облика. Вѣдь, обращаясь къ друзьямъ покойнаго, нѣтъ надобности пояснять, какою неожиданною болью отозвалась его кончина въ сердцахъ всѣхъ тѣхъ, кто зналъ его, кто имѣлъ — не скажу ничего не говорящаго слова *счастіе*,—кто имѣлъ великое назиданіе заглянуть въ его внутреннюю жизнь. Газетное извѣстіе о кончинѣ его сперва не—огорчало, а ошеломляло, и только много часовъ спустя, когда ослабѣвалъ толчокъ, скорбь о потерѣ начинала ныть въ душѣ. И если что нуждается въ поясненіи, то скорѣе прямо противоположное: отчего возникало это впечатлѣніе неожиданности и боли, какая именно нить порвалась и въ душѣ окружающихъ вмѣстѣ съ нитью жизни Ѳеодора Дмитріевича. И въ самомъ дѣлѣ. Вѣдь если исключить родныхъ и ближайшихъ друзей покойнаго, то поставленный вопросъ будетъ въ полной силѣ. Больной, полу-слѣпой, преждевременно состарившійся, удрученный скорбями, Ѳеодоръ Дмитріевичъ стоялъ далеко отъ того, что принято называть жизнью. А если присоединить сюда отсутствіе служебныхъ отношеній, замкнутость личную, сдержанность Ѳеодора Дмитріевича въ выраженіи своихъ чувствъ и мыслей и, наконецъ, рѣдкую скромность его, то дѣлается и совсѣмъ малопонятнымъ, что же

именно могло такъ тѣсно привязывать къ Ѳеодору Дмитріевичу людей не много съ нимъ соприкасавшихся. Вѣдь и личныя свиданія съ нимъ, и переписка, въ силу сказаннаго только что,—были затруднены и количественно весьма ограничены. А на взглядъ, на взглядъ въ тѣ сравнительно рѣдкія свиданія, которыя бывали съ нимъ, онъ казался холодноватымъ, слишкомъ выдержаннымъ, чтобы могла раскрыться полная довѣрчивость къ нему. И вотъ, все-таки, что-то въ немъ могло, и при далекости и рѣдкости непосредственныхъ отношеній къ нему, создавать крѣпкую связь съ нимъ, хотя она обнаружилась въ своей крѣпости лишь послѣ смерти. Смерть—безпристрастнѣйшій Судія. Какъ часто бываетъ, что почти не замѣчаются кончины, которыя, по всѣмъ даннымъ, должны были бы разбить сердце! Тутъ же—какъ разъ наоборотъ: можно было бы ждать лишь должнаго огорченія, а получилось... какъ будто въ чемъ-то важномъ и жизненномъ постигла собственная смерть.

Говорю я о себѣ и отъ себя; но знаю и то, что мои слова—не меня одного касаются, и знаю, что найдутся другіе, которые подписались бы подъ высказаннымъ здѣсь. Въ отношеніяхъ и къ одному выразился Ѳеодоръ Дмитріевичъ; вотъ почему приходится, преодолѣвая естественное смущеніе, говорить о себѣ,—чтобы сказать о томъ, ради кого мы собрались сегодня сюда.

Повторяю, первый слой впечатлѣній, при знакомствѣ съ Ѳеодоромъ Дмитріевичемъ, отчуждалъ отъ него. Казалось, что Ѳеодоръ Дмитріевичъ ставитъ грань многому такому, безъ выраженія чего не можетъ быть непосредственности. Этимъ впечатлѣніямъ способствовала и одна особенность его лица, какая-то складка съ лѣвой стороны, придававшая ему не то горькую, не то скептическую усмѣшку. Эта черта была чисто-физической, но она могла отпугивать непривыкшихъ къ ней.

Но за этимъ первымъ слоемъ высвѣчивалъ другой, и онъ заставлялъ иначе отнестись не только къ самому Ѳеодору Дмитріевичу, но и къ тому, что еще такъ недавно въ немъ смущало... Позвольте пояснить свою мысль однимъ примѣромъ.

Современная литература изобилуетъ, какъ извѣстно, *плагіатами*, выдаваніемъ чужаго за свое. Но въ древней пись-

менности было распространено явленіе обратное—*псевдоэпиграфы*, когда свое выдавали за чужое. Мнѣ думается, что если понятія *плагіата* и *псевдоэпиграфа* расширить и разумѣть ихъ не какъ законченныя дѣла, а какъ дѣятельности и какъ стремленія, то любое литературное произведеніе можно причислить къ одному изъ этихъ двухъ родовъ: все, что не псевдоэпиграфъ,—то плагіатъ. И, переходя отъ произведеній къ ихъ творцамъ и далѣе къ—людямъ вообще, можно сказать, что въ смыслѣ стремленій есть люди-плагіаты и есть люди-псевдоэпиграфы.

Тамъ, гдѣ средоточіемъ вниманія бываетъ „я“, правда неизбѣжно дѣлается однимъ изъ средствъ къ процвѣтанію „я“, однимъ изъ его украшеній. Важно не то, что нѣчто—истина, а то, что оно—*моя* истина. Если ударе́ніе поставлено на *моя*, то дальше неизбѣжно и стремленіе выдавать всякую истину за свою.

Совсѣмъ наоборотъ бываетъ при сосредоточеніи вниманія на *правдѣ*. Если ударе́ніе поставлено именно на ней, то дѣлается мало интереснымъ, чья это правда; а далѣе, при углубляющемся сознаніи, что правда не можетъ быть чьей-нибудь, а что познается она—сознаніемъ соборнымъ, чувство собственности въ отношеніи къ правдѣ замолкаетъ. Такъ возникаетъ псевдоэпиграфъ, т. е. условное отнесеніе познанія къ любому лицу,—только не къ себѣ; такъ возникаетъ и нравственная спутница псевдоэпиграфа—скромность.

Извиняюсь за это отступленіе, но иначе мнѣ было бы трудно объяснить свое пониманіе личности Ѳеодора Дмитріевича. Мнѣ кажется, что онъ относился ко второму разряду людей, именно тѣхъ, для кого дороже всего сама правда; этимъ объясняется его боязнь, можетъ быть преувеличенная боязнь, показать бо́лѣе чувствъ и пониманія, чѣмъ есть ихъ на самомъ дѣлѣ, и тѣмъ болѣе себѣ приписать и себя украсить тѣмъ, ради чего должны жить мы. Всѣмъ вамъ извѣстна его необыкновенная скромность, даже въ сужденіи о тѣхъ вопросахъ, надъ которыми онъ сидѣлъ весьма основательно, литературу которыхъ онъ отлично изучилъ и критически взвѣсилъ. Всѣмъ вамъ извѣстна его исключительная щепетильность и въ научной рабо́тѣ, и въ оцѣнкѣ жизненныхъ явленій.

Не менѣе того извѣстна всѣмъ и его правдивость, соперничавшая съ его осторожностью. Мнѣ думается, что всѣ

эти качества Ѳ-ра Дм-ча можно свести къ одному — къ исключительной вообще, а въ наше время — въ особенности, честности мысли. Ѳеодоръ Дмитріевичъ напоминалъ купца настолько честнаго, что изъ боязни показать товаръ лицомъ онъ почти не открывалъ своихъ витринъ, и лишь случайно обнаруживалась его подлинная освѣдомленность во многомъ и его критическая мысль. Я сказаль „мысль". Но правильнѣе было бы расширить мое утвержденіе и включить въ него—и волю и чувство. И воля и чувство его тоже были вывѣрены и взвѣшены.

Вотъ почему осторожность его мысли производила впечатлѣніе не слабости, а сдерживаемой силы; вотъ почему; и въ еще большей степени, въ его холодноватой внѣшности чувствовалась не дряблость внутренней жизни, а напротивъ большой напоръ, однако введенный въ русло сознательнаго обладанія. За малыми внѣшними проявленіями не трудно было замѣтить у него большія, непроявленныя имъ, движенія. Это-то и побуждало цѣнить его и располагаться къ нему не по мѣрѣ проявленнаго, а по мѣрѣ того, что въ проявленномъ свѣтилось.

Не могу забыть одного случая, опредѣлившаго когда-то мое внутреннее расположеніе къ нему. На одномъ изъ четверговъ у Михаила Александровича Новоселова, когда часть посѣтителей уже разошлась, разговоръ принялъ особенно живое теченіе. Но шелъ онъ о какихъ-то не то общественныхъ, не то политическихъ вопросахъ, мнѣ былъ скученъ, и я, сидя сбоку отъ Ѳеодора Дмитріевича, сталъ всматриваться въ его лицо. Занятый разговоромъ, Ѳеодоръ Дмитріевичъ не замѣчалъ моего вниманія и, такъ сказать, былъ взятъ врасплохъ, въ тѣхъ своихъ думахъ и переживаніяхъ, которыя онъ не считалъ возможнымъ проявлять на лицѣ. Я подсмотрѣлъ Ѳеодора Дмитріевича,—и не раскаиваюсь въ томъ: кромѣ хорошаго я ничего не увидѣлъ въ немъ. Это была большая и глубокая дума о какихъ-то страданіяхъ и скорбяхъ, какая-то—я бы сказалъ—почти подавленность рокомъ, если бы она не была очищена покорностію Промыслу и не освящена чувствомъ объективной Правды. Острая жалость къ страдавшему и страдающему и благоговѣніе предъ видомъ раба Божія, преданнаго Господину Своему, сдѣлались столь сильными, что я сталъ бояться, какъ бы не-

умѣстное слово не вырвалось у меня и, кажется, вышелъ въ другую комнату. Дальнѣйшія впечатлѣнія отъ Ѳеодора Дмитріевича всегда окрашивались описаннымъ выше смѣшаннымъ чувствомъ жалости и благоговѣнія: увидѣнный однажды, духовный обликъ Ѳеодора Дмитріевича согрѣвалъ его лицо и при менѣе благопріятныхъ условіяхъ для видѣнія.

Понятно отсюда, какую значительность имѣли для друзей Ѳеодора Дмитріевича его сужденія, его отзывы о людяхъ и въ частности о нихъ самихъ. Понятно, какъ дорожили они его одобреніемъ и какъ задумывались надъ его — не скажу неодобреніемъ, ибо онъ, по скромности, таковыхъ почти не высказывалъ,—а его предупрежденіемъ, его вопросомъ, его сомнѣніемъ. Съ его словомъ нельзя было не считаться въ душѣ. А много ли людей каждый изъ насъ можетъ назвать, съ словами которыхъ онъ дѣйствительно считается? И если сужденія Ѳеодора Дмитріевича были вѣскими во всѣхъ областяхъ, то въ области нравственной и общественной онъ могъ въ особенности быть надежнымъ судіей. Всѣ знавшіе его знали и то, что онъ не слукавитъ и рѣшитъ дѣло по совѣсти. И на него полагались. Этой увѣренности въ немъ способствовали и внѣшнія условія его жизни.

Отрѣшенный отъ суетливой общественности и потому почти независимый отъ общественныхъ давленій, притязающихъ на нашу свободу; не испытывающій воздѣйствій извнѣ— ни денежныхъ, ни служебныхъ; не связанный литературнымъ или какимъ-либо инымъ профессіональнымъ самолюбіемъ; своими болѣзнями и скорбями очищенный и отъ многихъ пристрастій, опутывающихъ другихъ людей—этотъ полу-слѣпой старикъ казался получившимъ отъ самой судьбы право на нравственный авторитетъ.

Но для насъ этотъ авторитетъ его былъ еще укрѣпленъ и усиленъ историческимъ мѣстомъ Ѳеодора Дмитріевича— именно мѣстомъ его въ исторіи славянофильства. Когда-то юнѣйшій изъ старыхъ, онъ сталъ потомъ старѣйшимъ изъ молодыхъ. Этимъ опредѣлилось его особое значеніе для насъ. Соборность сознанія, этотъ важнѣйшій членъ славянофильскаго исповѣданія, во времени являетъ себя какъ преемство. И если преемство мысли и культуры вообще есть для славянофильства одинъ изъ основныхъ признаковъ подлин-

ной мысли и подлинной культуры, то преемство самаго славянофильства не можетъ не быть въ этомъ пониманіи жизни непремѣннымъ требованіемъ, почти критеріемъ истинности. Живое преданіе славянофильства являлось намъ въ лицѣ Ѳеодора Дмитріевича. Изъ его рукъ мы, внуки, получали нить, связующую съ славянофилами-дѣдами, съ славянофильствомъ золотого вѣка.

Не то, чтобы Ѳеодоръ Дмитріевичъ, сообщилъ намъ какія-то тайны, недоступныя другимъ, не закрѣпленныя въ печати. Не въ нихъ дѣло, а въ чувствѣ увѣренности и надежности, когда собственными глазами осматриваешь то, о чемъ доселѣ зналъ по книгамъ, въ чувствѣ реальности, которымъ сильно всякое живое преданіе,—въ непрерывности преданія. Этимъ-то живымъ преданіемъ славянофильства, соединительнымъ звеномъ, дѣлающимъ преданіе непрерывнымъ, и былъ для насъ Ѳеодоръ Дмитріевичъ. По своему возрасту, по своимъ бывшимъ отношеніямъ съ людьми, которые давно умерли, наконецъ по идейнымъ традиціямъ своей фамиліи, Ѳеодоръ Дмитріевичъ владѣлъ именно тѣмъ, чего не хватало намъ—живымъ соприкосновеніемъ съ дорогими для насъ покойниками и ученіями, и изъ него мы могли питаться этими впечатлѣніями.

Въ этомъ смыслѣ, многія изъ сторонъ его личности получали для насъ особое значеніе, ибо дѣлались символическими. Сквозь Ѳеодора Дмитріевича видѣлось намъ многое изъ прошлаго, даже многіе изъ прошлаго. На первомъ мѣстѣ я поставлю здѣсь черту, можетъ быть и не очень рѣдкую, но въ Ѳеодорѣ Дмитріевичѣ имѣвшую бо́льшую значительность. Черта эта—дружелюбіе, внимательность къ друзьямъ. Первоначальное славянофильство, опираясь на дружески-родственное ядро, справедливо подчеркнуло значеніе дружества—познавательное и почти догматическое. Въ позднѣйшемъ славянофильствѣ ослабли дружескія узы и порою обращались даже въ непріязнь; понятно, что параллельно этому ослабла и мысль славянофиловъ, подчеркнувшая существенно-важный характеръ дружества. Но Ѳеодоръ Дмитріевичъ оставался вѣренъ этой первоначальной стихіи славянофильства. Онъ искалъ дружескаго общенія, хотѣлъ дружескаго обсужденія интересовавшихъ его богословскихъ, философскихъ и церковно-общественныхъ вопросовъ, не довѣряясь мысли оди-

нокой и вмѣстѣ не полагаясь на сношеніе печатное, въ которомъ нѣтъ общенія личнаго. Но его интересъ не ограничивался областью умственной. Несмотря на свою замкнутость, онъ вникалъ въ личныя дѣла своихъ друзей, входя даже въ мелочи, особенно когда кто заболѣвалъ или кого постигали непріятности и несчастія. Вотъ одинъ примѣръ его участливости:

Въ 1913-мъ году Михаилъ Александровичъ Новоселовъ заболѣлъ сердечною болѣзнью. Вотъ что пишетъ ему Ѳеодоръ Дмитріевичъ:

25 февраля 1913 года.

„Дорогой Михаилъ Александровичъ,

стороной дошли до меня вѣсти о Вашемъ нездоровьѣ, а потомъ Владиміръ Александровичъ на мой запросъ сообщилъ телеграммой нѣсколько болѣе обстоятельныя свѣдѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ успокоилъ меня тѣмъ, что Вамъ теперь значительно лучше. Я не хотѣлъ было писать Вамъ пока не получу обѣщаннаго въ телеграммѣ Владиміра Александровича письма съ подробностями, но письма пока все еще нѣтъ, а мнѣ хочется сказать Вамъ, что я чрезвычайно встревожился за Васъ и за Капитолину Михайловну и благодарю Бога, что болѣзнь Ваша пошла на выздоровленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако мнѣ хочется убѣдительно просить Васъ не спѣшить считать себя совершенно здоровымъ и сдѣлать все необходимое для полнаго, радикальнаго излѣченія. Не знаю, что Вамъ посовѣтуютъ врачи, но судя по тому, что мнѣ сообщилъ Владиміръ Александровичъ, я думаю, что Вамъ придется лежать долго совершенно неподвижно. Если это такъ, то умоляю Васъ, не бунтуйте, выдерживайте себя педантично и какъ можно дольше. Только при этомъ условіи болѣзнь Ваша можетъ пройти безслѣдно и Вы въ состояніи будете вести прежній образъ жизни. Это я знаю по бывшимъ у меня на глазахъ примѣрамъ. Но чтобы этого достигнуть надо большое терпѣніе, требуется продолжительное время и необходимо рѣшиться на нѣкоторый срокъ совершенно отказаться отъ всего того, что въ Вашихъ прежнихъ привычкахъ могло быть вреднаго для Вашего здоровья. Такое рѣшеніе теперь Вамъ и предстоитъ принять ради всѣхъ, кто Васъ любитъ и прежде всего ради Капитолины Михай-

ловны. Я понимаю, какъ все это Вамъ тяжело, но вѣдь этотъ отказъ отъ Вашихъ привычекъ къ неугомонной суетливой дѣятельности требуется *лишь на время*, хотя бы и продолжительное, а потомъ Вы опять, Богъ дастъ, начнете бѣгать по лѣстницамъ, вести разговоры по телефону и всячески хлопотать. Смотрите на это, какъ на временное испытаніе, какъ на своего рода подвигъ или постъ. Кстати и время теперь подходящее настало. Я писалъ уже подробно Владиміру Александровичу обо всемъ этомъ и изложилъ ему тѣ мѣры, которыя по моему необходимо принять, чтобы облегчить Вамъ переходъ къ новому образу жизни. Можетъ быть я ошибаюсь, не имѣя достаточно подробныхъ свѣдѣній о состояніи Вашего здоровья, но мнѣ кажется, что надо дѣйствовать рѣшительно и круто. Всякія полу-мѣры безполезны и даже могутъ быть вредны. Отъ дѣятельности, которая Васъ такъ поглощала и въ концѣ концовъ Васъ изводила, Вамъ слѣдуетъ перейти къ занятіямъ кабинетнымъ и взять себѣ девизомъ: умѣренность и аккуратность. Знаю, что это легче проповѣдовать, чѣмъ исполнять, но кто погрѣшилъ противъ этого правила, тотъ тѣмъ болѣе обязанъ предостерегать другихъ отъ его нарушенія. Его собственный горькій опытъ долженъ придать его совѣтамъ необходимый вѣсъ. Итакъ прощайте, выздоравливайте, но не спѣшите Бога ради пользоваться Вашимъ здоровьемъ. Дружески обнимаю Васъ и шлю сердечный привѣтъ Капитолинѣ Михайловнѣ. Да хранитъ Васъ Господь.

Душевно Вашъ

Ѳедоръ Самаринъ".

„Впослѣдствіи,—разсказывалъ М. А. Новоселовъ,—я продолжалъ болѣть тѣмъ же—расширеніемъ и слабостью сердца. Ѳедоръ Дмитріевичъ уѣхалъ въ это время за-границу, сопровождая больного. Но, самъ больной, при тяжелыхъ семейныхъ обстоятельствахъ, онъ опять заботливо вспоминаетъ обо мнѣ и, желая предостеречь меня отъ поспѣшнаго и неосторожнаго шага, котораго онъ, кстати сказать, напрасно, но дружески, опасался, пишетъ письмо пользовавшему меня врачу, нашему общему знакомому. Въ письмо къ этому послѣднему онъ влагаетъ другое письмо, ко мнѣ, но просить

при этомъ передать предназначенное мнѣ письмо, сообразуясь съ состояніемъ моего здоровья: Ѳеодоръ Дмитріевичъ тревожился, какъ бы его письмо не взволновало меня и не повредило мнѣ въ моей болѣзни. Предназначавшееся для меня было мнѣ передано и явилось для меня новымъ доказательствомъ теплой дружбы ко мнѣ Ѳеодора Дмитріевича и его заботливой любви. Боясь встревожить меня, необыкновенно мягко и деликатно подходитъ онъ къ вопросу, тогда меня очень волновавшему. И такую заботливость и вниманіе, повторяю, онъ проявляетъ, находясь въ чужихъ краяхъ, самъ среди недуговъ и личныхъ скорбей.

„Не могу также забыть, какъ онъ дружески-заботливо стороной разспрашивалъ о состояніи моего здоровья, чтобы не безпокоить меня ни телефонными звонками, ни даже личнымъ посѣщеніемъ.

„Вспоминается мнѣ также, какъ неоднократно онъ черезъ меня съ такою же заботливостію узнавалъ о состояніи здоровья нашихъ общихъ друзей, если кто-либо изъ нихъ или въ ихъ семьѣ былъ боленъ. Щадя свойственную Ѳеодору Дмитріевичу скромность, хотя его уже и нѣтъ въ живыхъ, я не буду говорить о конкретныхъ случаяхъ, свидѣтельствующихъ о той же его чертѣ откликаться на скорби ближнихъ“.—Я привелъ здѣсь лишь одно свидѣтельство; но число таковыхъ легко можно было бы умножить.

Дружелюбіе Ѳеодора Дмитріевича дѣлало бесѣду съ нимъ удобной и плодотворной. Несмотря на разницу лѣтъ, онъ допускалъ споръ съ собою, и хотя во всякомъ спорѣ, особенно при молодости лѣтъ, можетъ быть сказано много лишняго, тономъ недостаточно сдержаннымъ, Ѳеодоръ Дмитріевичъ никогда не обижался на запальчивость собесѣдника и, своими тонкими и остро-поставленными сужденіями, приводилъ споръ если не къ соглашенію, то по крайней мѣрѣ къ полной ясности, въ чѣмъ собственно корни расхожденій. Если умѣстно здѣсь высказываться корыстно, принимая во вниманіе наши интересы, то нельзя не отмѣтить незамѣнимости Ѳеодора Дмитріевича въ нашихъ бесѣдахъ. А въ особенности, какъ онъ нуженъ былъ бы теперь и въ будущемъ, когда все настойчивѣе требуютъ разрѣшенія многочисленные богословскіе, философскіе и общественные вопросы...

Когда-нибудь въ дальнѣйшемъ, если Богу будетъ угодно, я надѣюсь изложить и содержаніе нашихъ бесѣдъ съ Ѳеодоромъ Дмитріевичемъ; въ ближайшемъ же будущемъ думаю напечатать нѣсколько писемъ его, чтобы показать его отзывчивость на возникающіе вопросы церковной жизни и церковнаго разумѣнія жизни. Но сейчасъ я не смѣю утруждать Вашего вниманія чтеніемъ ихъ. Позвольте мнѣ закончить свой бѣглый набросокъ одною мыслью, относящеюся ко всѣмъ намъ.

Въ настоящее время много говорится объ участіи мірянъ въ дѣлѣ церковнаго строительства; и, кажется, мало проку выходитъ изъ этихъ обновленческихъ разговоровъ. Но если бы многіе міряне имѣли хоть небольшую долю той преданности св. Церкви, которою жилъ покойный Ѳеодоръ Дмитріевичъ; если бы они хотя бы съ частью его освѣдомленности, его безкорыстія и его смиренія подходили къ участію въ церковной жизни, то, мнѣ думается, самый разговоръ о допустимости ихъ участія не поднимался бы, ибо такіе міряне вошли бы дѣятелями въ церковную жизнь какъ сыны Церкви, а не какъ противники, ищущіе себѣ урвать отъ церковнаго достоянія.

Да будетъ же чистый образъ незабвеннаго Ѳеодора Дмитріевича напоминаніемъ намъ, оставшимся въ живыхъ, о необходимости единодушной, дружелюбіемъ объединенной работы надъ уясненіемъ себѣ церковнаго пониманія жизни и міра. Пусть память о немъ побудитъ насъ съ большею твердостью выходить временами изъ дѣлъ суеты и не откладывать дружескаго общенія въ церковной мысли и церковной дѣятельности всегда на завтра, чтобы не вышло, какъ въ грустномъ предчувствіи писалъ мнѣ какъ-то Ѳеодоръ Дмитріевичъ,—чтобы не вышло по латинской пословицѣ: cras, cras et semper cras, et sic consumitur aetas [1].

Священникъ Павелъ Флоренскій.

---

[1]) Сообщеніе на засѣданіи Братства Святителей Московскихъ 1-го декабря 1916 года, въ сороковой день кончины Ѳ Д. Самарина († 23 октября 1916 года).

Нѣсколько писемъ Ѳ. Д. Самарина

къ свящ. П. А. Флоренскому.

Не задаваясь сейчасъ разсказомъ о знакомствѣ съ Ѳеодоромъ Дмитріевичемъ Самаринымъ, я намѣренъ въ этихъ замѣткахъ, предпосылаемыхъ нѣсколькимъ письмамъ его, дать лишь краткія поясненія, безъ которыхъ содержаніе писемъ могло бы быть непонятымъ.

Обстоятельства написанія перваго письма таковы:

Въ одномъ изъ разговоровъ съ Михаиломъ Александровичемъ Новоселовымъ, бывшемъ въ началѣ іюня 1912-го года, Ѳеодоръ Дмитріевичъ выразился благосклонно объ одной изъ моихъ статей, о какой именно—сейчасъ не могу вспомнить, и при этомъ что-то спрашивалъ у Михаила Александровича относительно изданной мною „Службы Софіи Премудрости Божіей“ [2]. Вопросъ Ѳеодора Дмитріевича я понялъ какъ желаніе получить эту „Службу“ и, конечно, поспѣшилъ исполнить таковое. Книжка была послана съ надписью, въ которой я выражалъ Ѳеодору Дмитріевичу свое удовольствіе по поводу его одобренія. Повторяю, уже сказанное ранѣе, что одобреніе Ѳеодора Дмитріевича было донынѣ и, надѣюсь, до конца дней моихъ будетъ однимъ изъ дорогихъ мнѣ поощреній въ трудѣ, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ теоретическихъ вопросахъ, и притомъ существенныхъ, я не скрывалъ своего разномыслія или, быть можетъ, разновыраженія съ Ѳеодоромъ Дмитріевичемъ, и даже подчеркивалъ линіи нашихъ расхожденій.

Разумѣется, на написанныя, и притомъ на книжкѣ, нѣсколько словъ я не ждалъ отвѣта и полагалъ, что если

---

[2]) „Богословскій Вѣстникъ“, 1912, Февраль=отдѣльн. оттискъ, Свято-Троицкая Сергіева Лавра, лѣта ҂аѡкі.

Θеодоръ Дмитріевичъ и заговоритъ о „Службѣ Софіи“, то лишь при личной встрѣчѣ, осенью; да мнѣ и не думалось, чтобы богословскіе и философскіе вопросы нашего времени, исходящіе, всѣ—можно сказать, изъ основной идеи о Софіи и вновь къ этой идеѣ приводящіе, лежали въ предѣлахъ духовныхъ интересовъ Θеодора Дмитріевича, такъ что я былъ убѣжденъ, что „Служба Софіи“ будетъ внутренно незамѣчена имъ. Къ удивленію моему, вскорѣ же было получено мною слѣдующее письмо:

I.

29 іюня 1912 г.
Сестрорѣцкъ, Петерб. губ.
Приморскій просп. 19/А.

Досточтимый отецъ Павелъ!

Большой и неожиданной радостію для меня было полученіе изданной Вами книги съ незаслуженной мною любезной надписью; отъ всей души благодарю Васъ за этотъ прекрасный подарокъ. Когда-то, вслѣдствіе бесѣдъ съ покойнымъ В. С. Соловьевымъ, я старался собрать свѣдѣнія о сохранившихся въ нашихъ храмахъ рукописныхъ службахъ Софіи Премудрости Божіей и узналъ, что такая рукопись имѣется между прочимъ въ Москвѣ въ Софійской церкви, что на Лубянкѣ. Къ сожалѣнію, мои розыски на этомъ и остановились, такъ какъ я былъ отвлеченъ въ другую сторону. Теперь эту самую службу я получаю отъ Васъ въ печатномъ видѣ. Чтеніе ея во многомъ уяснило мнѣ таинственное ученіе о Софіи и укрѣпило меня въ мысли, что ученіе это не есть созданіе философскаго умозрѣнія, а плодъ живого церковнаго сознанія.

Еще болѣе, чѣмъ прежде, жалѣю теперь, что въ свое время не слышалъ того, что Вы какъ-то читали на одномъ изъ собраній нашего кружка въ домѣ Корнилова[3]. О статьяхъ Вашихъ, напечатанныхъ по тому же предмету въ Богослов-

[3]) Рѣчь идетъ о собраніи „Кружка ищущихъ христіанскаго просвѣщенія“, по-просту называемаго то „Самаринскимъ“, то „Новоселовскимъ“, на которомъ мною, въ домѣ Ал-дра Ал-дровича Корнилова, былъ читанъ докладъ объ идеѣ Софіи, Премудрости Божіей.

тому назадъ, я все время стремился Вамъ отвѣчать, даже принимался писать; но для меня теперь написать маленькую записочку—цѣлое событіе и не малый трудъ, а диктовать это письмо мнѣ не хотѣлось. Въ другой разъ будетъ уже легче, надѣюсь.

Прежде всего благодарю Васъ горячо за Ваше доброе вниманіе къ попыткѣ моего сына обосновывать свое разномысліе съ Марбургскою философскою школою. Сынъ мой, къ сожалѣнію, теперь находится въ дурномъ настроеніи и, кажется, не хочетъ печатать своихъ „набросковъ", вѣроятно, сознавая ихъ необработанность. Думаю однако, что передъ этимъ останавливаться не слѣдуетъ: настроеніе можетъ перемѣниться, и въ печатномъ видѣ этотъ небольшой опытъ будетъ встрѣченъ самимъ авторомъ болѣе благопріятно.

Если я вѣрно Васъ понялъ, то небольшая работа сына моего представляетъ нѣкоторый интересъ, какъ попытка борьбы съ недугомъ, который таится даже въ людяхъ не имѣющихъ, повидимому, ничего общаго съ Когеніанствомъ. Такимъ недугомъ, мною самимъ несознаваемымъ, Вы объясняете, кажется, нѣкоторыя изъ высказанныхъ мною мыслей.

Я не рѣшусь конечно, утверждать, что Вы неправы. Напротивъ, я готовъ допустить, что при крайне поверхностномъ знакомствѣ моемъ съ философскими ученіями я легко могу грѣшить именно тѣмъ безсознательнымъ философствованіемъ, о которомъ Вы говорите, и потому могу невольно принимать за нѣчто, данное непосредственнымъ религіознымъ сознаніемъ, ученія, враждебныя вѣрѣ. Могу только сказать: да избавитъ отъ этого Богъ! Помощь людей болѣе свѣдущихъ и болѣе зрѣлыхъ духовно я приму, конечно, съ радостью и благодарностью. Въ частности отъ Васъ былъ бы счастливъ получить опредѣленныя и обоснованныя указанія на свои невольныя и, можетъ быть, несознанныя ошибки и заблужденія.

При всемъ томъ, однако, мнѣ кажется, что выяснить сущность и размѣры моихъ заблужденій можно было бы только путемъ болѣе или менѣе продолжительнаго обмѣна мыслей. Между тѣмъ мы съ Вами бесѣдовали всего какихъ-нибудь три-четыре раза и при томъ наши разговоры постоянно были, прерываемы разными случайными, посторонними обстоятель-

интересъ Ѳеодора Дмитріевича къ идеѣ Софіи Премудрости Божіей, ибо эта идея, по моему убѣжденію, опредѣляетъ русское религіозное сознаніе въ самыхъ его истокахъ, и въ ней именно—глубочайшая основа его своеобразія. Въ добромъ отношеніи ко мнѣ Ѳеодора Дмитріевича, писалъ я, мнѣ хотѣлось бы видѣть дорогое для себя указаніе на связь своихъ убѣжденій со славянофильствомъ; идейная безродность и культурное самочиніе представляются мнѣ наиболѣе нежелательными, ибо необходимо связывать настоящее съ прошлымъ непрерывною нитью преемства.—Таковъ былъ смыслъ моего письма. Послѣ того переписка естественно прекращалась. Но неожиданно получился отвѣтъ. Вотъ онъ:

II.

Сестрорѣцкъ.
24 августа 1912 г.
Московскій адресъ:
Поварская 38.

Премного виноватъ я предъ Вами, глубокочтимый отецъ Павелъ, что такъ замедлилъ отвѣтомъ на письмо, которымъ Вы мнѣ доставили большую радость. Я чрезвычайно цѣню Ваше вниманіе и душевно благодарю Васъ, что среди спѣшной и утомительной работы Вы нашли время для бесѣды со мной. Мнѣ хотѣлось отвѣтить Вамъ возможно обстоятельнѣе и потому я изо дня въ день откладывалъ письмо къ Вамъ, чтобы заняться имъ на досугѣ; но вышло по пословицѣ: „cras, cras et semper cras, et sic consumitur aetas“; въ данномъ случаѣ закончился или заканчивается срокъ моего пребыванія въ Сестрорѣцкѣ. Я ѣду завтра въ Москву и, не желая далѣе откладывать письмо къ Вамъ, изъ опасенія, что въ Москвѣ и въ деревнѣ мнѣ съ начала не удастся вести переписку, посылаю Вамъ эти строки только за тѣмъ, чтобы сказать Вамъ: простите мою неисправность и не примите ее, Бога ради, за равнодушіе. Я счастливъ, что вступилъ въ нѣсколько болѣе близкое общеніе съ Вами и, если это случилось отчасти по милости Михаила Александровича [6], то великое ему за это спасибо.

---

[7]) Новоселова.

Но добрѣйшій Михаилъ Александровичъ повидимому все таки не совсѣмъ точно передалъ Вамъ то, что я говорилъ ему о Вашей книгѣ. Какъ я писалъ уже Вамъ раньше, я не считаю себя въ правѣ дѣлать оцѣнку такихъ трудовъ, какъ Вашъ, ибо въ области философіи я совершенный невѣжда и неспособенъ разбираться въ вопросахъ отвлеченныхъ. Я только говорилъ Михаилу Александровичу, что Ваше сочиненіе (или вѣрнѣе, тѣ его части, которыя мнѣ удалось прочитать), поскольку оно доступно моему пониманію, произвело на меня самое глубокое и благотворное впечатлѣніе *нравственнаго свойства* и что я давно не испытывалъ того, что испыталъ при чтеніи Вашей книги.

Не умѣю Вамъ передать, какъ меня радуетъ то, что Вы пишете о славянофильствѣ и о Вашемъ отношеніи къ нему. Вы совершенно вѣрно, думается мнѣ, опредѣлили значеніе славянофильства въ умственной жизни нашего общества. Его сила, конечно, въ томъ, что оно было первымъ яркимъ проявленіемъ русскаго народнаго самосознанія. Только теперь начинаютъ это понимать и потому только теперь настаетъ пора для правильной оцѣнки того, что высказано и сдѣлано славянофилами. Однако и теперь, къ сожалѣнію, мало еще людей, способныхъ, напримѣръ, вполнѣ освоиться съ мыслью Хомякова и судить о ней самостоятельно. Съ этимъ не справился и Бердяевъ [8], не смотря на то, что онъ, видимо, исполненъ сочувствія къ Хомякову и посвятилъ не мало труда на его изученіе. А Гершензонъ [9], при всемъ своемъ литературномъ талантѣ и при всемъ проявляемомъ имъ интересѣ къ славянофильству,—родоначальника этого направленія совсѣмъ знать не хочетъ, а если бы даже зналъ, то, видимо, и понять въ немъ ничего бы не могъ.

Нечего говорить Вамъ, что я глубоко сочувствую Вашей мысли о значеніи преданія въ умственной жизни и Вашему отрицательному отношенію къ „самочинности“ въ культурѣ. Оторванная отъ преданія дѣятельность единичной личности, даже выдающейся по дарованіямъ, бываетъ большею частью безплодна; это мое глубокое убѣжденіе. Въ этомъ я ви-

---

[8]) Разумѣется монографія Н. А. Бердяева „Хомяковъ“, М., 1912 г., изданная книгоиздательствомъ „Путь“ въ серіи „Русскіе мыслители“.

[9]) Михаилъ Осиповичъ Гершензонъ.

жу причину того наблюдаемаго у насъ нерѣдко явленія, что люди талантливые, образованные и способные къ труду не оставляютъ въ умственной жизни глубокаго слѣда. Культурныя преданія у насъ, если не отсутствуютъ, то крайне слабы, а къ тому же отдѣльная личность у насъ постоянно стремится къ полной независимости отъ нихъ и этимъ губитъ свое дѣло. Характернымъ примѣромъ можетъ служить, по моему К. Д. Кавелинъ.

Признавая свое духовное родство съ Хомяковымъ и его ближайшими друзьями, Вы, конечно, ничуть не жертвуя своей самостоятельностію, примыкаете къ тому умственному теченію, которое оказалось наиболѣе здоровымъ и жизнеспособнымъ изъ всѣхъ нашихъ, такъ называемыхъ, направленій. Казалось еще недавно (и многіе въ этомъ были искренно убѣждены), что славянофильство давно умерло, погребено и не воскреснетъ. Теперь даже люди совсѣмъ другого склада мыслей не рѣшаются это утверждать; напротивъ, у этихъ самыхъ „отпѣтыхъ“ славянофиловъ ищутъ и находятъ многое такое, что оказывается пригоднымъ для возрожденія духовной жизни въ наше время, исполненное всякаго рода разочарованій. Это оправдавшее себя, такимъ образомъ, могучее теченіе когда-нибудь вынесетъ насъ, я твердо вѣрю, изъ того круговорота, которымъ мы захвачены и который грозитъ намъ духовной гибелью.

Хотѣлъ еще обратиться къ Вамъ за кой-какими разъясненіями того, что Вы пишете о значеніи „Софіи“ для русской жизни, но письмо мое и такъ ужъ слишкомъ разрослось: листъ кончился, да и времени осталось мало. Поэтому позвольте побесѣдовать объ этомъ важномъ предметѣ въ другой разъ. Разставаясь пока съ Вами, еще разъ благодарю Васъ и прошу не вмѣнить мнѣ въ вину мое продолжительное молчаніе.

Глубоко уважающій Васъ и душевно Вамъ преданный

Ѳедоръ Самаринъ.

Таково письмо Ѳеодора Дмитріевича. Но каково же было мое удивленіе, когда черезъ четыре дня я опять получилъ письмо за подписью Ѳеодора Дмитріевича. Письмо это незначительно по содержанію, но такъ выразительно для

Θеодора Дмитріевича, что я считаю поучительнымъ привесть и его:

III.

Москва 1912 г. 28 Авг.
Поварская 38.

Опять не знаю какъ извиниться передъ Вами, глубокочтимый о. Павелъ! Передъ отъѣздомъ изъ Сестрорѣцка я написалъ Вамъ письмо въ отвѣтъ на Ваше, давно мною полученное; но опуская конвертъ въ почтовый ящикъ вмѣстѣ съ цѣлой кипой другихъ писемъ, не обратилъ вниманія, что нѣкоторыя изъ нихъ (въ томъ числѣ и адресованное къ Вамъ) были безъ марокъ. Вѣроятно оно все таки дойдетъ, но съ Васъ взыщутъ въ двойномъ размѣрѣ почтовый сборъ. Очень это мнѣ досадно и совѣстно! Становлюсь все болѣе безпамятливъ на всѣ житейскія мелочи. Простите великодушно.

Глубоко Васъ уважающій и душевно Вамъ преданный

Θедоръ Самаринъ.

Послѣ того, бесѣды наши происходили устно. Очень жаль, что не было своевременно записано содержаніе разговоровъ того времени, наиболѣе горячихъ и существенныхъ, касавшихся по преимуществу вопросовъ догматическихъ и каноническихъ.—Зимою 1913 г. Θеодоръ Дмитріевичъ былъ избранъ въ почетные члены Московской Духовной Академіи,—какъ гласитъ оффиціальная формулировка, „во вниманіе къ дѣятельности на пользу Св. Церкви какъ путемъ литературнымъ, такъ и прямымъ участіемъ въ работахъ Предсоборнаго Присутствія“. Въ апрѣлѣ того же года, лишь только дозволили погода и здоровье, Θеодоръ Дмитріевичъ пріѣхалъ въ Посадъ, лично благодарить Преосвященнаго Θеодора, Ректора Московской Духовной Академіи, и сдѣлать визиты членамъ корпораціи.—Меня онъ не засталъ дома, оставилъ карточки и, на всякій случай, поручилъ сказать мнѣ о его пріѣздѣ. Помнится, это было въ Θомино воскресенье, т. е. слѣдовательно 21 апрѣля. Возвращаясь домой изъ церкви, я узналъ отъ извощика, возившаго его ко мнѣ, о нахожденіи его въ Новой Лаврской гостинницѣ и направился туда. Съ первыхъ же словъ свиданія, завязался живой разговоръ о

таинствахъ,—продолженіе бесѣды, начатой когда-то въ Москвѣ. Поясняя свою мысль, я сослался на св. артосъ. Тутъ Ѳеодоръ Дмитріевичъ съ благоговѣніемъ беретъ со стола свертокъ: „Вотъ, какъ разъ сегодня я получилъ отъ Преосвященнаго Ѳеодора артосъ, но къ стыду своему не знаю, что̀ это такое“. Думаю, его „не знаю“ надо понимать не въ литургическомъ, а въ догматическомъ и метафизическомъ смыслѣ.—Мы продолжали обсуждать разные литургическо-метафизическіе вопросы, Ѳеодоръ Дмитріевичъ видимо увлекался. Въ это время гостинничный корридорный, постучавъ въ дверь, напоминаетъ Ѳеодору Дмитріевичу, что онъ далъ обѣщаніе обѣдать съ А. А. Нейдгардтомъ и что кушанье подано. Ѳеодоръ Дмитріевичъ проситъ передать, что онъ сейчасъ придетъ, и опять увлекается разговоромъ. Снова является корридорный, на этотъ разъ передавая уже досаду обиженнаго компаніона. Ѳеодоръ Дмитріевичъ опять говоритъ что-то вродѣ „хорошо“, пожалѣлъ, что не зная о возможности свиданія, связалъ себя обѣщаніемъ, и снова собирался продолжать разговоръ, почему-то задѣвшій его за живое; но я поспѣшилъ проститься и уйти.—Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора получилось слѣдующее письмо:

IV.

Досточтимый отецъ Павелъ!

Приношу Вамъ живѣйшую благодарность за присылку „Богословскаго Вѣстника“, хотя, по правдѣ сказать, мнѣ чрезвычайно совѣстно пользоваться преимуществами связанными со званіемъ почетнаго члена академіи. Я вполнѣ сознаю, что не имѣю никакихъ правъ на это почетное званіе и обязанъ избраніемъ лишь имени, которое ношу, и благосклонному отношенію ко мнѣ Преосвященнаго Ѳеодора, а также, можетъ быть, моему скромному участію въ Новоселовскомъ Кружкѣ, которому хотѣли оказать вниманіе. Вопросами богословскими я занимался всегда урывками и многое существенное въ этой области мнѣ незнакомо. Особенно чувствую свою неосвѣдомленность въ Писаніяхъ Святыхъ Отцовъ. Кстати, мнѣ чрезвычайно хотѣлось бы пополнить одинъ важный пробѣлъ въ моихъ свѣдѣніяхъ, и я рѣша-

юсь воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы еще разъ просить Васъ оказать мнѣ въ этомъ отношеніи чѣкоторую помощь. Я былъ бы очень признателенъ Вамъ, если бы Вы нашли возможнымъ указать мнѣ, какъ обѣщали, книги, по которымъ я могъ бы познакомиться съ исторіей споровъ о Ѳаворскомъ свѣтѣ, съ дѣятельностью Григорія Паламы, съ ученіемъ Варлаама и съ Соборными постановленіями по этому поводу.

Простить себѣ не могу, что не остался ночевать у Троицы и не воспользовался этимъ случаемъ для обстоятельной бесѣды съ Вами. Не знаю, скоро ли теперь повторится подобный случай, а между тѣмъ безъ Вашихъ разъясненій я едвали сумѣю разобраться въ тѣхъ, трудныхъ для меня, вопросахъ, которые выдвигаются книгами Иларіона [10] и Булатовича [11]. Провести вечеръ съ Вами было бы даже благоразумнѣе, чѣмъ уѣзжать въ переполненномъ пассажирами поѣздѣ, на который я едва досталъ билетъ. Большую часть дороги я принужденъ былъ стоять, и духота была такая, что почти неизбѣжно было простудиться при выходѣ изъ вагона. И все таки я радъ, что хоть на ходу Васъ видѣлъ и перекинулся двумя словами.

Прощайте. Будьте здоровы. Помоги Вамъ Богъ въ Вашихъ трудахъ.

Душевно Вамъ преданный

Ѳедоръ Самаринъ.

Затѣмъ у насъ были личныя свиданія въ Москвѣ. Слѣдующее въ хронологическомъ порядкѣ, письмо Ѳеодора Дмитріевича не имѣетъ общаго интереса, но опять обрисовываетъ его внимательность и задушевность. Прислано оно по поводу моего магистерскаго диспута, бывшаго 19-го мая 1914 г. Вотъ это письмо:

V.

26 Апрѣля 1913 г.

Досточтимый отецъ Павелъ!

Я слышалъ отъ М. А. Новоселова, что Вашъ диспутъ долженъ былъ состояться 19 мая. Собирался я пріѣхать на

[10]) *Архимандритъ Иларіонъ*, На горахъ Кавказа. 2-е изданіе—Баталпашинскъ, Куб. обл., 1910 г.; 3-е изд.—Кіевъ.

[11]) *Іеромонахъ Антоній* (*Булатовичъ*),—Апологія вѣры во Имя Божіе и во Имя Іисуса. М., 1913.

этотъ день въ Лавру, чтобы Васъ послушать и чтобы быть свидѣтелемъ и до нѣкоторой степени участникомъ этого торжества. Къ сожалѣнію обстоятельства мои сложились такъ, что мнѣ не удалось осуществить этаго намѣренія, и мнѣ остается теперь лишь письменно привѣтствовать Васъ. Надѣюсь, что полученіе Вами степени не встрѣтитъ никакихъ препятствій со стороны Святѣйшаго Синода и что выдающееся значеніе Вашего труда будетъ признано не только публикою и Совѣтомъ Московской Академіи, но и церковною властью.

Прошу Васъ принять мои задушевныя поздравленія и самыя искреннія пожеланія.

Глубоко Васъ уважающій и преданный Вамъ

Ѳедоръ Самаринъ.

Наконецъ, остается еще одно письмо, полученное по такому поводу: какъ-то разъ, послѣ цѣлаго ряда оговорокъ, осенью 1914-го года, Ѳеодоръ Дмитріевичъ вручилъ мнѣ у М. А. Новоселова тетрадь рукописей своего сына Дмитрія Ѳеодоровича, содержавшую нѣсколько философскихъ этюдовъ съ критикою марбургской школы. Ѳеодору Дмитріевичу хотѣлось узнать мое откровенное мнѣніе объ этихъ опытахъ своего сына и затѣмъ напечатать ихъ, „если они окажутся достойными того“. Его брало опасеніе, не ошибается ли онъ въ своей положительной оцѣнкѣ этихъ сжатыхъ и отвлеченныхъ трактатовъ. Врученное мнѣ я прочелъ съ интересомъ въ ближайшій же свободный день, но, желая перечитать ихъ болѣе внимательно, долгое время откладывалъ свой докладъ о нихъ Ѳеодору Дмитріевичу. Весною 1915-го года, уже послѣ экзаменовъ въ Академіи, эти наброски были возвращены мною, при личномъ посѣщеніи его, въ Москвѣ. Говорили мы о нихъ довольно долго, при чемъ Ѳеодоръ Дмитріевичъ, явно заинтересованный успѣхами своего сына, былъ особенно внимателенъ. Трогательна была въ немъ внутренняя борьба между скромностью и чувствомъ радости объ успѣхахъ сына; обычная сдержанность Ѳеодора Дмитріевича еле выдерживала напоръ отеческой любви. Въ нашей бесѣдѣ мною высказано было одобре іе прочитаннымъ мною наброскамъ,

а также удовольствіе, что когеніанство, весьма сильная и ядовитая система мысли, преодолѣвается тутъ изнутри,—діалектикой, стоящей на собственной почвѣ этой системы,—что одно только и можетъ быть убѣдительно,—и совѣтовалъ напечатать эти опыты Дмитрія Ѳеодоровича.

Далѣе, нашъ разговоръ повернулъ опять къ вопросамъ литургической метафизики и, въ связи съ этимъ,—къ нѣкоторымъ позиціямъ стараго славянофильства. Отправною и опорною точкою нашихъ обсужденій было понятіе *пресуществленія* Св. Таинъ. Ѳеодоръ Дмитріевичъ высказалъ характерное соображеніе противъ этого понятія, хотя и съ большими оговорками, а именно что было бы *ужасно*, въ смыслѣ чувства отвѣтственности, думать о случайно упавшей съ Престола крошкѣ Св. Тѣла или о смытыхъ водою съ устъ частицахъ Св. Крови—какъ о продолжающихъ быть таковыми. Я же полагалъ, что это ничуть не бо́лѣе страшно, чѣмъ величайшій священный страхъ вѣры—Богоснисхожденія и Боговоплощенія. Что Святыя Тайны могутъ быть, волею или неволею, попраны и осквернены, оставаясь при томъ Святыми Тайнами,—это не бо́лѣе ужасно, чѣмъ весь подвигъ жизни и, въ частности, страданій и смерти Господа Іисуса Христа. Бо́лѣе того, возможность уничиженія Господа включаетъ въ себя и возможность попранія Его Св. Тѣла и Крови. Можно же, пріобщаясь Св. Таинъ, дать лобзаніе „яко Іуда“; почему же *нельзя*, вѣдѣніемъ или невѣдѣніемъ, волею или неволею, уронить Св. Тѣло или пролить Св. Кровь? Въ нашемъ разговорѣ съ Ѳеодоромъ Дмитріевичемъ мнѣ былъ хорошо понятенъ страхъ его предъ возможностью „суда и осужденія“. Страхъ этотъ свойственъ всякому вѣрующему, ставящему себя предъ лицемъ Господа,—всякому человѣку, не *понятіе* о Господѣ имѣющему въ виду, а Его Самого зрящему предъ собою очами вѣры. Но обращаться въ бѣгство отъ термина и понятія *пресуществленія* на *этомъ* основаніи—не соотвѣтствуетъ ли это, какъ если бы кто, перенесясь во времена земной жизни Іисуса Христа, сталъ отрицать Его Богосыновство, изъ боязни, какъ бы нечаянно, при корабельной качкѣ, напримѣръ, не толкнуть Сына Божія. Согласиться съ Ѳеодоромъ Дмитріевичемъ, какъ ни былъ онъ умѣренъ и остороженъ въ своихъ сужденіяхъ, я никакъ не могъ.—

Въ этихъ и подобныхъ разговорахъ нѣкоторыя линіи

нашего расхожденія, бывшія недоговоренными въ предыдущіе разы, намѣтились съ бо́льшею опре ѣленностію, –настолько живо, что и по пріѣздѣ моемъ въ Посадъ затронутыя темы стояли въ сознаніи. Водораздѣлъ всѣхъ подо́бныхъ разногласій мнѣ представился опредѣляемымъ такимъ вопросомъ:

„Должно ли, или невозможно, внѣ-литургическое почитаніе Св. Даровъ?“.—Если мы признаемъ пресуществленіе, то явно, что не только можемъ, но и должны, входя напримѣръ въ алтарь не по литургическому требованію, поклониться Св. Таинамъ, лежащимъ на Престолѣ, какъ Самому Богу. Для непризнающаго пресуществленія такое поклоненіе, въ лучшемъ случаѣ, необязательно, а вѣрнѣе, при отчетливости догматической мысли,—и недолжно, ибо есть идолопоклонство. Вотъ, полагаю, достаточный критерій для различенія церковнаго пониманія Таинства Св. Тѣла и Крови отъ протестантскаго. Остальное—уже частности, или же непродуманность. Критерій же поклоненія Св. Тайнамъ *внѣ* культа стоитъ пограничнымъ столбомъ между церковнымъ и противоцерковнымъ толкованіемъ Таинства.

Мнѣ стало ясно, что разговоръ о когеніанствѣ и разговоръ о таинствахъ—не два различныхъ разговора, а—одинъ, ибо наши съ Ѳеодоромъ Дмитріевичемъ разногласія въ вопросахъ литургическо-метафизическихъ происходятъ отъ скрытаго и недоговоренаго когеніанства, или уклона къ нему, со стороны самого Ѳеодора Дмитріевича. Въ этомъ смылѣ, двигаемый этими и подобными мыслями, я написалъ ему письмо. „Поэтому,—приблизительно такъ писалъ я,—считалъ бы я особенно своевременнымъ издать опыты Вашего сына, доводящіе до конца и дѣлающіе усиліе внутренне побѣдить тотъ недугъ, который гораздо распространеннѣе, чѣмъ это обычно полагаютъ, и, вслѣдствіе своей неосознанности, особенно опасенъ“.—Въ отвѣтъ на мое письмо, Ѳеодоръ Дмитріевичъ высказалъ слѣдующее:

VI.

21 Мая 1914 г.

Досточтимый Отецъ Павелъ!

Усердно прошу у Васъ прощенія за крайнюю запоздалость моего отвѣта. Письмо Ваше получено слишкомъ девять дней

тому назадъ, я все время стремился Вамъ отвѣчать, даже принимался писать; но для меня теперь написать маленькую записочку—цѣлое событіе и не малый трудъ, а диктовать это письмо мнѣ не хотѣлось. Въ другой разъ будетъ уже легче, надѣюсь.

Прежде всего благодарю Васъ горячо за Ваше доброе вниманіе къ попыткѣ моего сына обосновывать свое разномысліе съ Марбургскою философскою школою. Сынъ мой, къ сожалѣнію, теперь находится въ дурномъ настроеніи и, кажется, не хочетъ печатать своихъ „набросковъ", вѣроятно, сознавая ихъ необработанность. Думаю однако, что передъ этимъ останавливаться не слѣдуетъ: настроеніе можетъ перемѣниться, и въ печатномъ видѣ этотъ небольшой опытъ будетъ встрѣченъ самимъ авторомъ болѣе благопріятно.

Если я вѣрно Васъ понялъ, то небольшая работа сына моего представляетъ нѣкоторый интересъ, какъ попытка борьбы съ недугомъ, который таится даже въ людяхъ не имѣющихъ, повидимому, ничего общаго съ Когеніанствомъ. Такимъ недугомъ, мною самимъ несознаваемымъ, Вы объясняете, кажется, нѣкоторыя изъ высказанныхъ мною мыслей.

Я не рѣшусь конечно, утверждать, что Вы неправы. Напротивъ, я готовъ допустить, что при крайне поверхностномъ знакомствѣ моемъ съ философскими ученіями я легко могу грѣшить именно тѣмъ безсознательнымъ философствованіемъ, о которомъ Вы говорите, и потому могу невольно принимать за нѣчто, данное непосредственнымъ религіознымъ сознаніемъ, ученія, враждебныя вѣрѣ. Могу только сказать: да избавитъ отъ этого Богъ! Помощь людей болѣе свѣдущихъ и болѣе зрѣлыхъ духовно я приму, конечно, съ радостью и благодарностью. Въ частности отъ Васъ былъ бы счастливъ получить опредѣленныя и обоснованныя указанія на свои невольныя и, можетъ быть, несознанныя ошибки и заблужденія.

При всемъ томъ, однако, мнѣ кажется, что выяснить сущность и размѣры моихъ заблужденій можно было бы только путемъ болѣе или менѣе продолжительнаго обмѣна мыслей. Между тѣмъ мы съ Вами бесѣдовали всего какихъ-нибудь три-четыре раза и при томъ наши разговоры постоянно были, прерываемы разными случайными, посторонними обстоятель-

ствами. Не въ этомъ ли между прочимъ отвѣтъ на вопросъ Вашъ: „Почему мы не можемъ столковаться?“—Да, можетъ быть, просто потому, что не толковали какъ слѣдуетъ?—Съ радостью раздѣляю Вашу надежду, что несогласіе—не отъ различія вѣры и не отъ недостатка любви. Думаю, что оно происходитъ отъ различнаго пониманія одного и того же или различнаго способа выраженія однихъ и тѣхъ же понятій.

Надо ли говорить, что и такія разномыслія, даже незначительныя, повидимому, должны быть всячески устраняемы? Мы испрашиваемъ „соединенія вѣры“, какъ благодатнаго дара свыше, но, конечно, и сами должны трудиться по мѣрѣ силъ надъ достиженіемъ этой великой и святой цѣли; иначе суетна будетъ наша молитва. Скажу вмѣстѣ съ Вами въ подобныхъ случаяхъ: „плохого мира быть не должно“. Меня лично такая недоговоренность и неясность между близкими людьми всегда тяготила, и въ этомъ заключалась главная причина, почему мнѣ казалось полезнымъ учрежденіе того кружка, который сплачивается около Мих. А. Новоселова. Къ сожалѣнію, намѣченная мною задача была вскорѣ подмѣнена другими, не менѣе, можетъ быть, важными и почтенными, но не столь отвѣчающими моей душевной потребности. Былъ бы счастливъ, еслибъ Вы дали толчекъ возрожденію дѣятельности кружка въ первоначально намѣчавшемся направленіи.

Прощайте и простите, что такъ замедлилъ отвѣтомъ и, можетъ быть, невѣрно Васъ кое въ чемъ понялъ.

Поручаю себя молитвамъ Вашимъ и усердно кланяюсь. Душевно Вашъ

Ѳедоръ Самаринъ.

П. Ф.

БИБЛИОТЕКА